

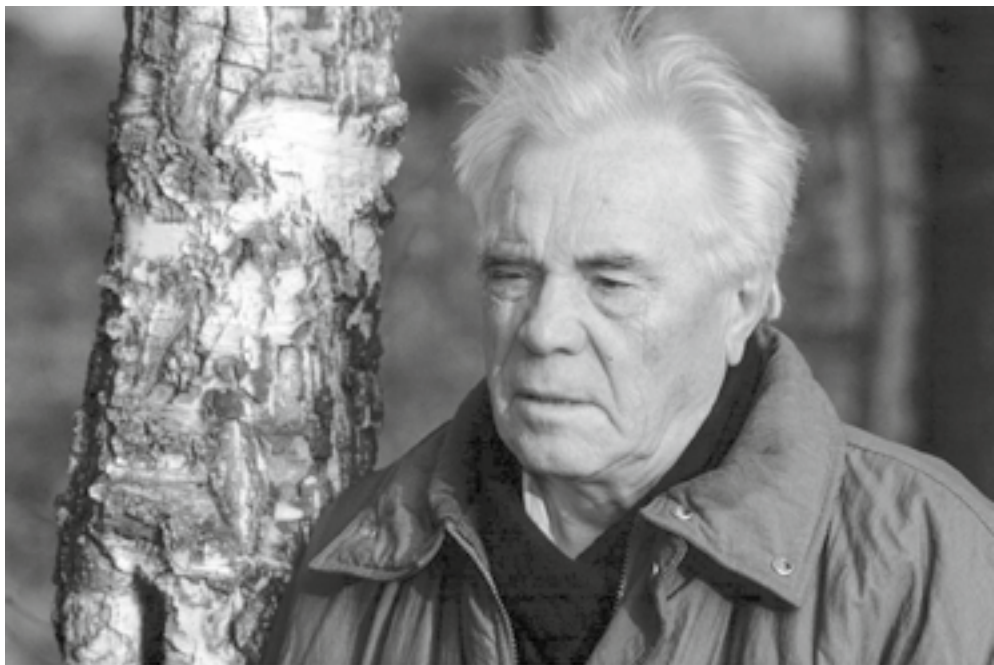
Прошло двадцать лет со дня ухода Виктора Петровича, и вот перечитываю его «Затеси», «Зрячий посох», и его мнения о «народе», а значит и обо мне самом. И публицистика его, задумчивость и раздумчивость Астафьева — дорогого стоят, но и внутренний протест читателя, русского и «родного» во многом Астафьеву по части печалования о родине, неминuem...

Когда Виктор Петрович Астафьев дописывал заключительную главу «Вечерних раздумий», он одновременно работал над романом «Прокляты и убиты»... Весь его «Последний поклон» замечателен тем, что каждая страница — искренний разговор с читателем. Писатель Астафьев — человек большого сердца... И всё же поражает бездна, разделяющая его творчество: «Зрячий посох», эпистолярный его, и вот это: «Печальный детектив», страницы повестей и рассказов последних лет. Кое-где с сомнением, сожалением, но уже не с восторгом читаю позднего Астафьева. При всей его искренности смущает нечто общее, нечто «вообще» — «мы, народ, если бы...».

«Народ» — слово туманное, не определённое. Дело в том, что «народ» никогда не жил ни плохо, ни хорошо, а жил, скорее, и плохо, и хорошо, смотря по тому, о ком и о чём идёт речь. Даже в прошлые войны: первую мировую и вторую, был в народе и такой «народец», кому и война была «мать родна». Послушайте и сейчас ещё стариков, они расскажут. Народ — от слова народиться, родиться на свет. Родиться — не твоя заслуга, а матери и отца. Народ же в понимании и «трансляции» В. П. Астафьева-писателя — нечто совсем иное. Что же? Может быть, движущая сила истории, если по учебникам? Однако, писатель, кажется, несомненно, прав, когда читаем: «Нет на свете ничего подлее русского тупого терпения, разгильдяйства и беспечности. Тогда, в начале тридцатых годов, сморкнись каждый русский крестьянин в сторону ретивых властей — и соплями смыло бы всю эту нечисть вместе с наседающим на народ обезьяноподобным грузином и его приспешниками. Кинь по крошке кирпича — и Кремль наш древний с шивотой, в нём засевшей, задавило бы, захоронило бы вместе со звереющей бандой по самые звёзды. Нет, сидели, ждали, украдкой крестились и негромко с шипом воняли в валенки. И дождались!»

Слова грубые и откровенные. И справедливые, а ... хочется спорить...

Все дело в том, что народ, как сплочение — явление весьма редкое. Это остро и гениально схвачено А. С. Пушкиным в его «народ безмолвствует». Этими двумя словами заканчивается трагедия «Борис Годунов». И всё сказано. Народ — в часы и минуты единодушия, сплочения — и впрямь народ. Народ опустился на колени перед балконом Николая Александровича, молясь... Народ — поднимался на войну с фашизмом.

Народ проводил парад Победы. Маршировал и созерцал Победу. Народ радовался возвращению Крыма. Народ стаскивал баррикады к Дому советов. А население, хорошо и сыто живущее, протестовало и бродило на площади Сахарова... И это необходимо разделять. Ведь понятно, что и тогда, и сейчас, если говорить вообще про «народ», — он жил и живёт так, что не желает «сморкаться». А зачем? Жили многие плохо, но не все же. И эти «не все» были у власти, хорошо кормились и одевались-обувались... Их даже и теперь, в 21-м «коронавирусном» году, всё никак не отпускает мысль: как они могли бы сладко жить, если бы Россия безоглядно и безраздельно поклонилась и сдалась на милость Америке. Как сказочно и в достатке жили бы все они, и дети их, и внуки. А ведь они, эти нынешние либералы, те, которые на слуху — многие родом из «домов на набережных», а предки их обижены 30-м и 37-м годами. Это легко проследить. Посмотрите, например, кем был отец В. Войновича. Посмотрите, кем был тесть Льва Разгона. Взгляните, в каком звании и на какой должности «сидел» отец М. Танича — авторитета блатной романтики 90-х — самых больных и кровавых лет конца двадцатого века. Для них и их семей в эти годы всегда была возможность уехать за город — на дачи. Не вопрос, по щелчку пальца — и ты там! И семья, если трусовата — аж в бункере укрыться имела возможность в любой отрезок времени, и ни одна «чума-грипп» или любая другая зараза не нашла бы их, не достала.

Я это говорю вот к чему: ностальгия «по тому времени» — именно у этих «господ», да ещё какая! Конечно, «террор» они крикливо, с пеной у рта осуждают. А вот когда вспоминали как сладко жили их родители до «посадок», — глаза у них загорались, и это видишь даже по телевизору. А много народа, обиженного наряду с писателем Астафьевым? Пожалуй, ещё больше. Но Астафьев — детдомовец, а эти...

Вот и некий господин Вольтман, уже при «пандемии» — ухитряется открывать забегаловки с вызывающим названием Stal'in. Кругом, в харчевнях с шаурмой при входе — портреты вождя, плакаты: «Жить стало лучше, жить стало веселей!» и прочее. Все повара-раздатчики шаурмы — в форме офицеров НКВД. Нет, это не провокация,

не пиар, не расчёт «этический» на индифферентность и глухоту толпы. Нет! Это тоска правнука, ностальгия по быломu величию и уважаемой жизни чиновника. Тем паче — офицера, который, как пелось, многие помнят «...а ты не лётчик...». Да ведь и это не впервой, недаром же в 2019 году в Московском дворце молодёжи для рекламы всё той же шаурмы был использован плакат-фоторисунок: Сталин держит-подаёт блюдо, а внизу подпись: «За качество будем расстреливать». В Донецке стикеры с лозунгами: «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле». «Вот было время...» И видит, и слышит рукопожатная либеральная общественность. И молчит. Невольно задумаешься, а что, неужто большевизм и либерализм, который так глянулся в последние годы В. П. Астафьеву, — две стороны одной медали. Не продолжение ли сегодня одного и того же глобального «проекта». Богоборческого, равнодушного к «винтику» в толпе...

Понимали ли прежде смысл этого «проекта» — «мировой революции»? Понимали. И не соглашались. И «сморкались». А тех, кто сморкнулся — их мгновенно останавливали — так, что и сейчас помнят внуки и правнуки. Другие вспоминают и сейчас те времена с восхищением. И это ведь тоже народ, да ещё какой: с орденами, сединами. Не дураки! «И дождались!» — с сожалением, с подтекстом пишет Астафьев В. П... Большинство народа: старикам, детям, сиротам, тем, кто не умел воровать, «вертеться» и т.п., — жилось плохо и тогда. (Да и сейчас тяжело. И лучше, похоже, не будет). Теперь-то мы умники, опыт есть, «культ» пережили, а что же не живём правильно?

Чиновники, депутаты «от народа» в упор не видят этот самый народ. Для них это «массы», «электорат», по сути, та же «пыль лагерная»? В лучшем случае — «совки», «лузеры». Об этом открыто и недвусмысленно, не стесняясь, говорил первый градоначальник первой столицы. И второй столицы — так же говорил. А за ними и представители олигархата повторяли. И не раз...

В том-то и дело, что для любого суждения о правилах жизни нужна опора. Опора эта — сверхчувствие, или сочувствие. Слово «народ» сегодня — пустой звук. Посмотрим вокруг: да так ли уж всем плохо? Большинство населения нынче где? В городах. Кому в них голодно и невыносимо тяжело — надеть, обуть нечего? Можно по пальцам перечесать. Главная беда для простолюдина теперь, когда работы нет и не предвидится. Но есть и те, кто никогда с 90-х не работал, а живёт и сыто, и пьяно... Как это возможно, и возможно ли было такое в тех же тридцатых, о которых упомянул Астафьев. Нет! Найдут работу и даже заставят работать. Индустриализация. «Догнать Запад за 25 лет, иначе раздавят...». А сегодня? Вот на «Лексусе» катит «госпожа» лет двадцати, безработная. Или студентка. И покуривает, разговаривая в мерцающий мобильник, потом покупает дорогой «суши» в ресторане на вынос — пандемия ведь короновирусная. Тем, у кого на столе ананасы и дыни зимой, красное вино бургундское или «Медок» французский, белый — им дела нет до того, что в деревне, в глубинке не на что купить детям хлеб, леденцы, стиральный порошок, «макарошки» пресловутые, да тот же спиртовой состав от вируса, чтобы не погибнуть зазря.

Мы все теперь полюбили товары в импортной упаковке, в «брэндах», так сказать, разбираемся. Вот тащат из магазина «Седьмой Континент» мешки-пакеты, забывая багажники иномарок, расплачиваются — по карточкам «Виза» или «Розенкрейцер — банк», как же: пандемия, при ней и наличность заразна. И доставка востребована не хуже, чем в Америке. И так — в любом областном городе. Да что там, в областном, — и в моём Подмоскowie тоже. А вот — мужичонка, всегда под хмельком, приходит с работы, а из кармана торчит горлышко от бутылки: виски. И остановивших его полицейских это уже не удивляет. Удивляет и печалит отсутствие маски, перчаток. Оштрафуют запросто. Восемь тысяч. И мужичок, хоть и огорчённо, но достаёт требуемую сумму.

А как стильно одеты — особенно молодые, сильные, с мощными локтями и плечами?.. Нет, им совсем не плохо. Им хорошо. Особенно в больших городах. Да что уж далеко ходить: писателям нашим, «западникам», — всем ли тяжело, многим ли уж так плохо? Дачи, машины. Раскрученные тиражи пустопорожних книг. И многие понимают, что да, книги пустопорожние, ни о чём. А что: в то время, во времена славного, и «заслуженно» оплётанного теперь «соцреализма» не так было? Точно так и было. Тиражи, публикации... Смотришь: чепуха, сушая дрянь, а и в журнале, и в издательстве раскрученном, и в сборниках. И переиздаст несколько раз, ибо в издательствах, журналах — свои люди. Переименовал сборник, книгу — и опять гонорары, да какие! И премии. И при той, при оболганной власти, и теперь — отдельными изданиями выходит. Собrania сочинений... Правда, миллионных тиражей не стало. Примеры? Фамилии? Они и теперь на слуху, кто читал в то время — тот и сегодня знает их наперечёт. «Избранное» для избранных. А под обложкой — чепуха.

И это тоже «народ», тот же народ. Более того: лучшая его половина: и даже «интел-ли-ген-ци-я». Для такого «народа» та же теперешняя война глобализма с Россией и с православием, опять «мать родна». Ни кто-нибудь, сам «Газпром» субсидирует оппозицию. Следом — «ВТБ», всех не пересчитать. Биржи кормят их щедро: «Эхо», «Дожди», «М.К.», — вот вам и демократия. А на лечение больных детей скидываемся всем миром. По TV то и дело: «поможем ребёнку»... Главная задача любого правительства, именно любого — была и будет: обещать, чтобы поверили. Ваучерам, ипотекам, «льготным» кредитам, сертификатам на новорождённых, прочим побрякам.

У нас особенно «льготы» любят. Ведь что ни говори, а слух ласкает: пусть и пустяковая, но льгота! Если бы я был в правительстве — составил бы график льгот: в июле — учителям, в августе — врачам, в сентябре — рабочим массовых профессий... Все были бы довольны. «У меня — льгота!», — как это тешит самолюбие. Человек, любой, кого не возьми, желает всегда не только жить и иметь, но и возвыситься над соседом. Темна порода человечья. От бабуинов пришло. Атавизм. А не изжить никогда. Ни коммунизм, ни демократия не способны утешить. Правды тут ни на грош. Или не понимал этого В. П. Астафьев, с его-то опытом и печалью сердечной... Понимал, конечно. А вот читаешь его, и кажется: просто сдался на милость...

«Разгильдяйство и беспечность» — тоже ошибочное мнение Виктора Петровича. Спроси почти каждого, нужен ли ему порядок? «Да, нужен...», — ответит каждый. А от кого требовать этот порядок? Конечно, от других. Чтобы исполнять требования порядка, надо вовремя приходить на работу, вовремя уходить, хорошо работать, на работе не пить, слушать начальство и грамотно выполнять распоряжения... Да мало ли? Нелегко... Покопайся каждый в душе своей: хочешь ли ты этого порядка? А если хочешь, то, что мешает?

«Народ», повторяю, особенно сегодня, путают с населением. Для писателя такого ранга, как Астафьев, это и оказалось непростительно. Читая его последние книги, чувствуешь подмену, которая не случайна, а продумана и намеренна. Есть отдельное лицо, личность. По должности от низа до верха (по вертикали) каждый обязан отвечать за своё. А кто и когда у нас из высокого начальства ответил за плохое, нерадивое, преступное и халатное деяние (вредительство, как называли в тридцатых)? За недоделки при строительстве, обрушения с жертвами, за возгорания из-за профанации, за симулякры сигнализации в шахтах, за уворованные деньги, выделенные на выявление метана? Кто ответил за явное и, по сути, выявленное и доказанное воровство из числа олигархата? Опять-таки, можно по пальцам перечесть. За триллионы, что выводятся в оффшоры, многие ответили? Не слышно. И всем, как с гуся вода. Сухие. В недавнем прошлом мы КПСС будто бы осудили за «страшные преступления». А кого

конкретно? Никого. Осудили за разрушение храмов. Какой позор — битва за то, чтобы Исакий в Питере остался музеем. Позор на всю Европу. Будто собор под музей строили! А битва за сквер против строительства храма в Екатеринбурге: «...негде собачкам гулять»... Вернули уроки Закона Божьего в школах? Взгляните, ведь что не «видный революционер» или «народник» — неуд по Закону Божьему. Или непонятно до сих пор? «У нас конфессии!»... Достойный ответ. А что Россия — многоконфессиональной и многонациональной прежде не была? Разрушали души безбожием, и уж кому-кому как не В.П. — писателю великого таланта — не знать об этом. Так отчего же он на встречу новым и пришлым «западникам»-то ринулся?

Ульянов — Ленин принципиально гордился единственным «неудом» — по Закону Божьему! И гордился тем, что нарушал этот великий Закон, чванился, утверждая: «... в политике нет и не может быть понятия „совесть“, есть только понятие „целесообразность“». И в Ульяновске, в Мемориале дневник его всем показывают, а гиды в советское время на это особый упор делали, потому, дескать, Ленин гений, что сам Господь ему — не указ! Ничто ведь с тех пор не изменилось. Разве только центр Ленина и (чуть не сказал «и Сталина»), — переименовали в центры Ельцина и по иным городам разнесли. А вместо памятника Шолохову в Москве воздвигли памятник Солженицыну. Не дожил Виктор Петрович до этого памятника, а то небось тоже бы цветы возложил. В память встречи в Овсянке с возвратившимся Исаичем.

Фронтвик, повидавший многое, он не признавал «победобесие», уходил 9 мая в тайгу, в одиночество. Разумеется, ему было о чём и о ком горевать и что вспомнить. Но какие романы и повести написаны в последние годы его жизни? А его встреча с Ельциным в родном селе, где по рюмке водки выпили они. Разливал, говорят, Ельцин из своей — особой — посуды. Астафьев, говорят, выпил и сморщился, сказав: «Говённая!» Но это легенда. А блинчиками под камеру на TV всё же закусили. Потом посадили рябинку, которую вскоре, по недомыслию сломали односельчане.

А ожидание Астафьевым Нобелевской премии по литературе, обещанной, будто бы, ему либералами? Обманули. И в который раз. Обещали и не дали. Дело обычное. Получилось, что использовали писателя в своих целях. Использовали авторитет его и влияние. Сатана всегда кидает десятирублевки золотые. Схватишь, потом оглянешься, откроешь мешок, а в нём глина. Святые же учат нас, а мы не внимаем. «Троешники» по Закону Божьему! Отсюда и все напасти.

Мне возразят, скажут: многими другими премиями, пусть поскромней, сибиряка удостоили. Пятнадцать томов напечатали Астафьеву-то! Но ответьте мне, откуда у бывалого фронтвика, большого русского писателя возникла уверенность, что новоявленные властители — именно те, которые и нужны матушке-России. Что они всё могут сделать?

Сделают... но своим. И вот здесь грань — тончайшая, непреодолимая. Проходит интимно, сверхтайно. Понятна лишь «просвещённым», «продвинутым». Дать что-то «не своему» у них — преступление... А разрушать церкви — не преступление. Как же так? И на что мы, в таком случае надеемся? Вот он и «ковид» к нам нагрянул: одумайтесь! В нашем храме приказ о штрафах повесили — за «несанкционированное посещение». А вот на театрализованных представлениях в «Гоголь-центрах» нет штрафа. Полтора метра дистанции, равнение на — лево! Они тут без Бога хорошо устроились, — вслух проклинаят прошлое, партийное членство, а на деле... Ничего не изменилось. Ни сам Бог, ни даже и «ковид» с его страхами — не вернул им зрение. Осталось враньё и двурушничество. И что, Астафьев не замечал этого? Всё он знал, всё понимал. Лавировал...

В 67-м году Виктор Астафьев опубликовал свою, может быть, лучшую повесть, назвав её «Пастух и пастушка» и добавив к названию слово — пастораль. Запутать

редакторов хотел, ибо ходу трагической правде о войне долго не давали ... Я прочёл эту повесть в свои молодые годы и долго ходил ошарашенный: вот это автор! Такой никогда не сойдёт, не сломается! Так думалось тогда, в восьмидесятые.

О чём думается теперь, когда ушли авторитеты. Многие ушли, и Астафьев ушёл. Но есть какой-то осадок, будто что-то ими не досказано. Не договорено. Будто не хотели они досказывать, подытоживать что-то важное, кардинально что-то меняющее, способное полярно изменить прежние приоритеты и знаки жизни. То ли боялись, то ли подыгрывали намеренно (отнюдь не народу) в самый важный свой «час пик», дабы не навредить родным и близким, да и всему течению жизни, которая после них будет далее развиваться, только бы не ломаться. Огонь и воду прошли, а вот медных труб не одолели. Не знаю, прав ли я, но имена их на слуху и поныне...

Есть, впрочем, и другие русские примеры. М. А. Шолохов первым и последним из лауреатов нарушил этикет, так и не поклонился, принимая Нобелевскую премию, шведскому королю. Смеем догадываться: если бы за это прямостояние Михаилу Александровичу отказали то ли в присуждении, то ли в выдаче Нобелевки, он бы не сильно опечалился, хотя тогда эта премия не была ещё так загажена, не была настолько привязана к политике «глобалистов», — не стыдно было её получать честному человеку.

Под Вёшенской ждал уже его охотничий обоз с горилкой и жареная дрова. По степям на охоту — вот чего он жаждал о ту пору. «Мы — казаки, мы не перед кем не кланяемся», — скажет М. А. позже. Сталинскую — отдал в 41-м в фонд обороны. Ленинскую — на восстановление школы в родной станице...

Так уж вышло, что рябинку в селе Овсянка, посаженную в палисаде библиотеки села В. Астафьевым и Б. Ельциным — «народ» сломал. По недомыслию, по косности своей, по неаккуратности. По иной ли какой причине... Однако очевидно и то, что недолюбливали свой народ и Борис Николаевич, и Виктор Петрович, порой — ой, как недолюбливали. Не в этом ли причина сродства? Или такова «народная месть» за «смену полюсов в самый критический момент». Бог весть...

И вот, вспоминая М. А. Шолохова, с его «Казак не кланяется», думаю я, что последний поклон Виктора Петровича в жизни так и не состоялся. Нет поклона. Есть ненависть. Или состоялся поклон, но не в сторону бабушки своей, которая тоже — народ. Возможно, «Весёлым солдатом», «Прокляты и убиты» не в сторону народа состоялся поклон, если сказать коротко. За самоволку (первую же) — там — на карантине в полигоне, молодому — вот уже и расстрел? Да, полно, так ли было, Виктор Петрович? Что-то не верится. Для кого же Вы так живо, трепетно и талантливо работали тогда, первыми своими книгами? За кого и во имя кого воевали, и за какие идеи Вас контузило? «Аль по ошибке?» — спросил бы мой дед-фронтовик...

Трудная, грустная, мученическая жизнь Виктора Петровича Астафьева была и остаётся не многим под силу. А Бог даёт крест по силам — это знаем мы от святых старцев. Да и не нам судить. Святые говорят; «Конец — жизни венец». Или ещё: «Кто всю надежду возлагает на мир сей, тот слеп» (Преп. Авва Исаия, 59, 71). «Земля пухом» — так говорить, по святым отцам, грех. А желать покойному следует Царствия Небесного. Царствия Небесного Вам, великий, но не ставший несгибаемым наш Виктор Петрович. А — подломили-таки Вас, дорогой наш классик, как рябинку ельцинскую в саду библиотеки села Овсянка. Подломили посулами лживыми да тельцом золотым. Не Вы виноваты. Бесы да искушение. Царствия Вам, Небесного, писатель и фронтовик!

